

Субъективный характер рецепции иронии в художественном тексте обусловливается определёнными ограничениями, накладываемыми на неё письменной формой представления: невербальные средства иронии (ударение, интонация, особенности произношения) зачастую невозможно отразить на текстовом уровне. О.Г. Петрова подчёркивает, что «реализация иронического смысла происходит по следующей схеме: интенция автора (замысел создания иронического текста) – конструирование определённого контекста в соответствии с объективными нормами, действующими на уровне сознания и на уровне языка, – текст (от предложения и выше), компонентом смысловой структуры которого является ирония» [6, с. 26].

Аксиологическим фундаментом иронии следует признать индивидуализм, скепсис, сомнение в существующих правилах и нормах, поливариативность в отношении к авторитету. Отметим, что западноевропейский социокультурный процесс свидетельствует о постоянной динамике иронии и её широком распространении. В противоположность западному типу мышления восточные культуры характеризуются меньшим разнообразием иронических форм. Позитивное / негативное восприятие иронии в целом обуславливается её объектом: ироническое переосмысление позитивных явлений обычно вызывает неприятие, в то время как ирония, направленная на отрицательные феномены, способна вызвать одобрение у реципиента и его эмпатию по отношению к продуценту иронического текста.

Список литературы

1. Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 т. / сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: Азбука, 2000. – Т. 1. – 400 с.
2. Довлатов С. Собрание сочинений : в 4 т. / сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: Азбука, 2000. – Т. 3. – 464 с.
3. Ильф И. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров. – М. : Вагриус, 1998. – 543 с.
4. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 149 с.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений / М. Ю. Лермонтов. – М. : Художественная литература, 1958. – Т. 4: Проза. Письма. – 596 с.
6. Петрова О. Г. Типы иронии в художественном тексте: контекстуальная и концептуальная ирония / О. Г. Петрова // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т. 11. Сер. Филология. Журналистика, вып. 3. – С. 25–30.

References

1. Dovlatov S. Sobraie sochineniy : in 4 vol. SPb., Azbuka, 2000. Vol. 1. 400 p.
2. Dovlatov S. Sobraie sochineniy : in 4 vol. SPb., Azbuka, 2000. Vol. 3. 464 p.
3. Ilf I., Petrov E. Dvenadtsat stulev. M., Vagrius, 1998. 543 p.
4. Kolshanskiy G. V. Kontekstnaya semantika. M., Nauka, 1980. 149 p.
5. Lermontov M. Yu. Sobraie sochineniy. M., Hudozhestvennaya literatura, 1958. Vol. 4: Proza. Pisma. 596 p.
6. Petrova O. G. Tipyi ironii v hudozhestvennom tekste: kontekstualnaya i kontseptualnaya ironiya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2011. Vol. 11. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. Iss. 3, pp. 25–30.

СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ О ПОСТРЕАЛИЗМЕ КАК ОДНОЙ ИЗ МОДИФИКАЦИЙ РЕАЛИЗМА

Бахшалиева Ульвия Сабир, аспирант, Бакинский славянский университет, Республика Азербайджан, AZ-1014, г. Баку, ул. С. Рустама, 33.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возникновением и существованием постреализма в русской литературе. Гипотеза о постреализме

как новой художественной системе, представляющей собой одну из разновидностей реализма, сочетающей в себе элементы реализма и постмодернизма, впервые была выдвинута такими исследователями, как Н. Лейдерман и М. Липовецкий. Приводятся различные точки зрения современных литературоведов и критиков на существование этой новой разновидности реализма. Делается вывод о том, что большинство исследователей считают правомочным выделение понятия «постреализм» и видят параметры этого литературного феномена в творчестве ряда современных писателей.

Ключевые слова: постреализм, постмодернизм, трансформация реализма, модификации реализма, художественная система, стратегия письма

MODERN LITERARY CRITICISM ABOUT POSTREALISM AS ONE OF THE MODIFICATIONS OF REALISM

Bakhshaliyeva Ulviya Sabir, postgraduate student, Baku Slavic University, AZ-1014, Republic of Azerbaijan, Baku, 33 S. Rustam st.

This article discusses issues related to the emergence and existence of postrealism in Russian literature. The hypothesis of postrealism as a new artistic system, which represent as one of the varieties of realism while combining elements of realism and postmodernism, was first proposed by researchers such as N.Leyderman and M.Lipovetsky. The various points of view of representatives of modern philology and criticism are cited about the existence of this new kind of realism. It is concluded that most of researchers believe the allocation of concept of "postrealism" is competent and see the parameters of this literary phenomenon in the work of a number of contemporary writers.

Keywords: postrealism, post-modernism, transformation of realism, modification of realism, the art system, the strategy of writing

Современное литературоведение ориентировано на пересмотр реалистической эстетики прошлого, на выявление противоречий, свойственных реализму предшествующего периода, на поиск новой философской платформы для реалистического мировидения в литературе конца XX века. Сегодня научная мысль ищет гибкий подход к современному реализму, где, как показывает художественная практика, есть место разнообразным формам трансформации реалистического письма, которые формируют внутри единой художественной системы множество стилевых направлений и течений.

Стремление современной прозы к трансформации художественных моделей, форм и конструкций является одной из примет переходной эпохи, рубежного бытия и присущей ей смены художественных парадигм. О создании нового типа поэтики в реализме заговорили в начале 1990-х годов, когда в числе прочих художественных тенденций впервые указывается на формирование на основе модернизма и реализма нового творческого метода, «нового реализма» как синтеза традиционно-идейного взгляда на мир с субъективным взглядом, свойственным модернизму.

Литературная критика в это время начинает поиск названия для этого «нового реализма». Среди множества самых разнообразных определений новой модификации реализма называют и «постреализм», который рассматривается как один из путей поиска адекватных решений существования реализма в условиях конца XX века. Концепция этого нового метода начинает разрабатываться современными исследователями, которые эстетической базой новой художественной системы называют теоретические идеи М.М. Бахтина, заложившего, по их мнению, основы новой релятивной эстетики, которая предполагает взгляд на мир как вечно меняющуюся текучую данность.

В конце 1980-х годов, когда в России только стали открыто вводить в литературный обиход термин «постмодернизм», на Западе появился ряд публикаций, в которых на повестку дня был вынесен другой новый термин, словно противопоставленный ему – «постреализм». Почти сразу после этого заговорили о постреализме и в России. Первыми, кто выдвинул гипотезу о существовании в русской литературе метода, вобравшего в себя элементы реализма и постмодернизма, являются Н. Лейдерман и М. Липовецкий.

В своих отдельных и совместных работах они последовательно разрабатывают проблемы современной литературы. Одной из таких проблем, вызвавших широкий резонанс в критике, стала проблема постреализма. В 1992 году в статье «Теоретические проблемы изучения русской литературы XX века» [4] Н. Лейдерман впервые фиксирует внимание на процессе взаимодействия модернизма и реализма, в результате чего в современной литературе формируется новый метод.

О синтезе постмодернизма с реализмом, о повороте постмодернистов к реализму говорят и другие исследователи. Например, Н. Иванова в статье «Преодолевшие постмодернизм», говоря об угасании постмодернизма, называет наряду с «постреализмом» и другие новые формы, обозначающие новую стратегию письма [3], но она имеет в виду всё то же соединение элементов реализма и постмодернизма, в результате чего появляются новые течения и направления в современной прозе: «Реакция на постмодернизм вышла из недр саморазрушающейся системы – это прежде всего новая искренность, неосентиментализм, нарастающее влияние которого было отмечено несколько лет тому назад Михаилом Эпштейном и недавно повторено А. Тимофеевским (разумеется, без ссылки) в "Русском телеграфе". "Новая искренность" и неосентиментализм постулируют возвращение к "человекоцентризму". Поэзия и проза бывших постмодернистов возвращаются от маски и персонажа – к человеку, к поиску смысла жизни – Марк Липовецкий называет это "хаосмосом"; он же цитирует очерк Доры Штурман "Дети утопии" ("Новый мир", 1994, № 10, с. 192), с опорными, выделяемыми ею словами "сверхреализм", "постреализм", "новый реализм", "реализм"» [3, с. 199].

Н. Иванова прослеживает формирование новой тенденции на примере творчества ряда писателей: например, Марка Харитоновна, который после глубоко постмодернистских произведений («Сундучок Милашевича», «Возвращение ниоткуда») создаёт традиционные по поэтике рассказы, собранные в книгу «Времена жизни». Касается в этом исследовании она и творчества Генриха Сапгира, Валерии Нарбиковой, Нины Садур, Евгения Попова, которые также всё больше внимания уделяют в своих произведениях реальности как таковой. На материале этого анализа исследователь приходит к следующему выводу: «Кроме возникновения "нового реализма" на руинах постмодернистской поэтики, у самих постмодернистов (особенно явственно, повторяю, в смене жанрового репертуара, в отказе от собственно художественной прозы, в переходе и опоре на fiction и non-fiction) всё более существенное место в литературном современном пейзаже занимают тексты авторов, или никогда не питавших склонности к ПМ, или сознательно отказавшихся от ПМ-поэтики. Голос повествователя не только восстанавливается в своих правах, но и обретает особое положение среди других голосов» [3, с. 202].

Особенно последовательно и фундаментально проблема постреализма изучается, как мы уже отмечали, Н. Лейдерманом и М. Липовецким. В 1993 году появилась совместная работа этих исследователей «Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме» [5]. В ней гипотеза о постреализме подкрепляется анализом произведений ряда авторов, которых эти исследователи относят к представителям нового метода (В. Маканин, Л. Петрушевская, Ф. Горенштейн и др.). По их мнению, уже начало XX века начинает давать «первые примеры глубочайших структурных мутаций реализма», которые об-

наруживают себя в прозе А. Ремизова, Е. Замятина, Б. Пильняка, М. Булгакова, Б. Пастернака, А. Платонова начиная с 1930-х годов. И даже несколько раньше, на рубеже XIX–XX веков писатели символистских, модернистских течений также ищут новые пути освоения мира, далёкие от реализма. В поддержку этой мутации реализма звучат слова Д. Штурман. Опираясь на собственный опыт, в автобиографическом очерке «Дети утопии» она писала: «Мы не знали ни тогдашних, ни тем более сегодняшних терминов. Но мы чувствовали (и я перечитываю свидетельства этому), что не авангардизм какого бы то ни было толка, а некий сверхреализм (у нас – то “импрессионистский”, то “субъективный”, то просто “новый”; у нынешних критиков – “постреализм”) даёт искусству возможность выжить». «И совсем не случайно, ярчайшие из тех, кого именуют постмодернистами, невольно выходят на стезю “постреалистов”: талант нащупывает истинное соотношение смысла и хаоса в бытии...» [9, с. 192].

В защиту гипотезы о постреализме прозвучала и статья Е. Ермолина «Собеседники хаоса», в которой он пытался определить задачу авторов нововведения – Н. Лейдермана и М. Липовецкого: «Они, похоже, решали двойную задачу. Говорили о новом качестве литературы – и одновременно заявляли свое кредо. Мнится мне, критики не только обозначают вектор движения литературы, но и пытаются послать её в этом направлении как наиболее перспективном». Объясняя суть постреализма, подчёркивая его значение в упорядочении литературного процесса, Е. Ермолин писал: «С одной стороны, упраздняется монополия постмодерной установки на игровое взаимодействие с хаосом. Оказывается, инфантильное перебирание обломков канувших в бездну гармонических миров – это не единственный способ художественной реакции на вызов хаоса; есть почва для более сознательного и ответственного поведения. Если готового смысла в мире нет, нужно его построить своими руками. Тоска по смыслу – вот что брезжит в теории постреализма». И ещё: «Постреализм выглядит уже не просто новым литературным методом, но и новым методом жизни» [2, с. 212–215].

Гипотеза о постреализме, выдвинутая и апробированная в различных статьях Н. Лейдермана и М. Липовецкого, легла в основу одной из глав вышедшего в 2003 году двухтомного учебного пособия «Современная русская литература. 1950–1990-е годы» [6, с. 583–667]. В интервью А. Гениса («Новый канон русской литературы») с М. Липовецким [1] по поводу этой книги, в частности главы о постреализме, был поднят ряд интересных вопросов. Одним из них был вопрос о том, насколько правомерно выделение постреализма как отдельного литературного направления в современной литературе. В самом начале интервью М. Липовецкий даёт пояснение к общей концепции, положенной в основу данного учебного пособия, в которой занимает место и постреализм: «Через все три книги мы следим за развитием трёх тенденций. И наблюдаем за их мутациями. Одна тенденция – тенденция модернистская, авангардная и постмодернистская. Другая – тенденция, идущая от соцреализма и включающая его мутацию, в том числе и в посткоммунистической России. А третья тенденция – идущая от реалистической традиции, которая на наш взгляд, постепенно, в течение 50 лет, начинающих где-то в 50-е годы и до современного момента, всё более активно вбирает в себя модернистские элементы и постмодернистские элементы» [1].

М. Липовецкий, ссылаясь на некоторых авторов, демонстрирующих постреалистическую манеру письма, говорит о том, что «постреализм – это гибридный феномен. Это точка пересечения тенденций, идущих от реализма» В качестве примера он приводит имена таких мастеров, как Довлатов, Маканин, Петрушевская, молодых прозаиков, которые работают в этом направлении – Михаила Шишкина, Андрея Дмитриева, Александра Верникова, которые одновременно принадлежат и к реалистической, и к постмодернистской тради-

ции. «Они создают очень сложный синтез, и именно это синтетическое образование мы пытаемся обозначить словом постреализм» [1]. Эта гипотеза имела широкий резонанс в литературной критике, вызвав целый шквал мнений, в которых высказывались аргументы «за» и «против».

Исследователи, выдвинувшие гипотезу о постреализме, пытаются объяснить внутренние причины, предпосылки формирования этого явления, которое постепенно, на протяжении всего XX века начинает складываться как новая «парадигма художественности». Они считают, что в основе этой парадигмы лежит «универсально понимаемый принцип относительности, диалогического постижения непрерывно меняющегося мира и открытости авторской позиции по отношению к нему». Именно этот творческий метод Лейдерман и Липовецкий называют постреализмом. При этом они уточняют: «Постреализм невозможно объяснить лишь качественными «приращениями», происходившими и происходящими внутри традиционной реалистической системы. Не объяснить его и контаминациями, синтезом старого реализма с модернизмом. Хотя оба эти процесса – саморазвитие и синтез – свою роль в формировании постреализма играли и играют» [5, с. 114].

Принципиальную новизну постреализма Н. Лейдерман и М. Липовецкий видят в том, что «в его основе лежит новая эстетика», которая была наиболее полно сформулирована М.М. Бахтиным. Это, прежде всего, идеи учёного об амбивалентности народной культуры, о полифоническом романе, который узаконивает равноправие всех голосов, выступает против претензии на последнее слово о мире, его релятивная эстетика, предполагающая взгляд на мир, как на меняющуюся текущую данность. Эта эстетика позволяет осваивать мир как хаос, однако продолжать искать в нём смысл. Именно в этом основная суть постреализма, сформированного на взаимодействии реализма, ищущего смысл во всём, и постмодернизма, представляющего мир как хаос.

«В полной мере разделяя с постмодернизмом такие черты, как гипертрофированный диалогизм, сталкивающий различные версии событий и их интерпретации, жанры и стили, голоса героев и равноправный им голос автора; пародийность, сильный игровой импульс, релятивность времени и пространства, эта проза возвращается к гуманистическому измерению реальности: помещая в центр внимания обычную человеческую судьбу, она тем самым подрывает постмодернистскую аксиому о том, что реальность – это всего лишь совокупность симулякров», – пишет М. Липовецкий, определяя отличия постреализма от постмодернизма, с одной стороны, и реализма, с другой [7, с. 310].

Кроме того, постреализм предполагает поиск и нахождение истины, хотя бы субъективной. Он основан на неразрывной хронологической связи событий настоящего и прошлого, на показе истории рода, семьи, отдельного человека, места, где он живёт. Герой постреализма, для которого идея личной ответственности, идея свободы, являются очень значимыми, пытается бороться с хаосом, стремится решить представляющие для него интерес экзистенциальные проблемы. Неслучайно зачастую постреалистов называли экзистенциальными реалистами. Постреализм предполагает, с одной стороны, показ жизни конкретного человека, с другой, не исключает уход в глубинные, архетипические пласты сознания человека, а также в мировую мифологию, историю. Ермолин, касаясь этого вопроса, писал: «Что скрывать, самое для меня важное в теории постреализма – это решимость Н. Лейдермана и М. Липовецкого ввести современную литературу в круг экзистенциальных проблем» [2, с. 212].

Все пишущие о постреализме, касаясь различных аспектов этого вопроса, выступая с самых разных позиций, высказывали свои сомнения по поводу этого метода, начиная с его названия. Так, например, Ю. Подлубнова, в целом принимающая эту гипотезу, пишет о неточности термина «постреализм»: «Понятие "постреализм", предложенное наукой в качестве парадигмального для искусства XXI в., очень расплывчато и абстрактно. Под "постреализм" в

таким понимании подпадают и "мягкий постмодернизм" (М. Веллер, А. Славовский, И. Сахновский и др.), и столь актуальный ныне "фантастический реализм" (от Д. Быкова до К. Букши), и модернистские изыски бужеровских и околобужеровских писателей (О. Славникова, В. Иличевский, Д. Гуцко, Ю. Малецкий, Д. Рубина и др.). Почему тогда всё-таки – "постреализм", а не "постпостмодернизм", о котором также не раз говорилось в российской и западной критике? Тем более, что современные художественные практики опровергают все теории и заставляют в большей степени говорить об эклектизме, эффективном и эффектным сочетании в литературе элементов модернизма, постмодернизма и реализма на равных основаниях» [8, с. 110].

Е. Ермолин, также являющийся одним из сторонников гипотезы о постреализме, выражает и некоторые свои сомнения, касающиеся перспектив развития постреализма в современной литературе: «Теоретики постреализма ведут к тому, что он – единственная альтернатива и перспектива. А поиск "готового" лада, "готового" смысла – бесплоден. Это значит, что должен уйти традиционный социально-аналитический реализм: нелепо анализировать хаос. Это значит, что невозможность вселенской гармонии, панкосмического порядка – аксиома, не подлежащая проверке. Раньше от этого сходили с ума. Теперь это расхожая, обыденная истина, вполне пресное знание о настоящей природе вещей. Вера в иное старомодна, а заказ к литературе на приобщение к "предзаданным высшим истинам" заведомо неисполним» [2, с. 213].

Несмотря на разноплановость мнений по поводу постреализма, прозвучавших в критике, на порою в резкой форме выраженные негативные выпады против него, в последние годы всё больше исследователей оперируют этим термином, принимая его как определённую систему художественного мышления, имеющую свою логику развития, свои жанрово-стилевые предпочтения, включающую в свою орбиту творчество и маститых писателей, и молодых, начинающих авторов. Более того, с дистанции времени, анализируя истоки этого направления, исследователи намечают уже и родоначальников отдельных течений внутри этого направления, которые ещё в 1970–1980-е годы создают произведения, никак не укладывающиеся в русло традиционного реализма, но в то же время они не являются и постмодернистскими по своей сути.

Подводя итоги, можно сказать, что постреализм – это художественная система, основанная на синтезе реалистических и постмодернистских тенденций. В основе эстетики постреализма лежат завоевания реализма с его детерминизмом, вниманием к человеку, типическим характерам и т.п., а также признаки постмодернизма с его иррационализмом, тягой к архетипам, экзистенциальным проблемам бытия. Воздействие постмодернизма на традиционный реализм привёл к трансформациям последнего. Как и реалисты, постреалисты не подвергают сомнению существование реальности, человека, как единицы этой реальности, обстоятельств, влияющих на судьбы человеческие. Именно человек и человеческое являются единицей измерения в пространстве постреалистического произведения. Как и в постмодернизме, здесь состоится диалог с хаосом, но он несколько другого рода.

Гипотеза о «постреализме» направлена на утверждение нового творческого «инструментария», позволяющего осваивать мир как дискретный, алогичный, абсурдный хаос и искать в нём смысл. Формально-смысловые параметры этого литературного феномена исследователи видят в творчестве ряда писателей, которые умело сочетают в своей литературной практике завоевания как реализма, так и модернизма, отдавая предпочтение экзистенциальному конфликту. Именно поэтому постреализм называют ещё и экзистенциальным реализмом, так как центральное место в нём занимают идеи личной ответственности, свободы, неразрешимости поединка личности и хаоса.

Список литературы

1. Генис А. Новый канон русской литературы». Интервью с М. Липовецким. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24200456>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Ермолин Е. Собеседники хаоса / Е. Ермолин // Новый мир. – 1996. – № 6. – С. 212–215.
3. Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм / Н. Иванова // Знамя. – 1998. – № 4. – С. 199–203.
4. Лейдерман Н. Л. Теоретические проблемы изучения русской литературы XX века: Предварительные замечания / Н. Л. Лейдерман // Русская литература XX века: Направления и течения. – Екатеринбург, 1992. – С. 120–132.
5. Лейдерман Н. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме / Н. Лейдерман, М. Липовецкий // Новый мир. – 1993. – № 7. – С. 112–118.
6. Лейдерман Н. Посреализм: Формирование новой художественной системы / Н. Лейдерман, М. Липовецкий // Современная русская литература. 1950–1990-е годы : в 2 т. – М. : Академия, 2003. – Т. 2. – С. 583–667.
7. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург, 1997. – 317 с.
8. Подлубнова Ю. С. Современный литературный процесс / Ю. С. Подлубнова // Проза 2000-х гг. : конспект лекций. – Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. – 94 с.
9. Штурман Д. Дети утопии: Фрагменты идеологической автобиографии / Д. Штурман // Новый мир. – 1994. – № 10. – С. 162–195.

References

1. Genis A. Novyj kanon russkoj literatury». Interv'ju s M.Lipoveckim. Available at: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24200456>.
2. Ermolin E. Sobesedniki haosa // Novyj mir, 1996, № 6, pp. 212–215.
3. Ivanova N. Preodolevshie postmodernizm // Znamja, 1998, № 4, pp. 199–203.
4. Lejderman N.L. Teoreticheskie problemy izuchenija russkoj literatury XX veka: Predvaritel'nye zamechanija // Russkaja literatura XX veka: Napravlenija i techenija. Ekaterinburg, 1992, pp. 120–132.
5. Lejderman N., Lipoveckij M. Zhizn' posle smerti, ili Novye svedenija o realizme // Novyj mir, 1993, № 7, pp.112–118.
6. Lejderman N., Lipoveckij M. Posrealizm: Formirovanie novej hudozhestvennoj sistemy // Sovremennaja russkaja literatura. 1950–1990-e gody : in 2 vol. M., Akademija, 2003, Vol. 2, pp. 583–667.
7. Lipoveckij M. N. Russkij postmodernizm. Oчерki istoricheskoj poetiki. Ekaterinburg, 1997. 317 p.
8. Podlubnova Ju.S. Sovremennyj literaturnyj process // Proza 2000-h gg.: konspekt lekcij. Ekaterinburg, UGTU-UPI, 2009. 94 p.
9. Shturman D. Deti utopii: Fragmenty ideologicheskoj avtobiografii // Novyj mir, 1994, № 10, pp.162–195.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРОЗА АСТРАХАНСКОГО КРАЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Статья посвящена истории собирания и изучения прозаических жанров фольклора Нижней Волги. Разграничены публикации фольклора устной и письменной традиции. Рассмотрены издания аутентичных текстов фольклорной прозы региона и современные исследования.